

та книга — первая в рамках большого проекта *Novogradum inter discrimina*¹ — исследования социального ландшафта Северо-Запада Московского царства — Российского государства² в период между двумя очень разными и в то же время очень близкими по времени социально-политическими кризисами. Первый из них, случившийся во второй половине XVI в., традиционно связывается с царем Иваном Васильевичем и описывается обычно как «опричнина», хотя в историографии до сих пор нет согласия, какой именно хронологический период понимать под последней, а также — были ли кризисные явления в экономике однозначно определены именно безумной политикой царя (или политикой безумного царя). Второй кризис традиционно именуется Смутным

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить И. П. Потехину за помощь в поиске названия проекта.

² Я не вторгаюсь здесь в дискуссию о том, как именовать данное политическое пространство в конце XVI — начале XVII в. С одной стороны, следует, вероятно, согласиться с мнением А. Л. Хорошкевич о том, что для этого периода релевантна формулировка «Русское государство» (Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 83–85). С другой стороны, термин «государство» применительно к данному политическому пространству в рассматриваемый период следует использовать, вероятно, с высокой степенью условности.

временем. С этим термином, в частности с правомочностью использования его для обозначения кризисных процессов, также связана большая дискуссия; не завершились споры и о периодизации Смуты¹.

Не вдаваясь в эти дискуссии, я предлагаю считать период 1584–1605 гг. для московского политического пространства именно таким «межкризисным». Мне кажется важным рассмотреть этот период именно в перспективе исследования Северо-Запада Московского царства — Новгорода Великого. Тому есть несколько причин.

Прежде всего, именно изучение данного периода, как я предполагаю, позволяет обозначить некоторый образец «нормальности» жизни Московского царства, без эксцессов опричного террора, равно как и без скатывания в архаику². Возникает возможность исследовать «нормальное» Московское царство, определить механизмы нормализации, действовавшие в раннее Новое время; в этом состоит актуальность проекта в глобальной перспективе.

В то же время, рассматриваемый хронологический период является принципиально важным, поскольку дает возможность, напротив, проследить переход провинциального общества из точки стабилизации в кризисное состояние (приведшее в случае Новгорода в годы Смуты к специфическому типу политической субъектности)³.

¹ Так, Р. Г. Скрынников предложил считать Смутным временем весь период, начиная со смерти царя Ивана, что лично мне кажется парадоксальным (Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1979. С. 31 и далее). Относительно окончания «Смуты в Московском государстве» лишь недавно в историографии восторжествовало мнение относить его к ноябрю 1618 (Деулинское перемирие) или маю 1619 г. (возвращение Филарета и других «Марбургских узников» в Московское царство).

² Если это была, конечно, архаика. Подробнее о таком противопоставлении: Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605). СПб., 1992. С. 133.

³ С этим связана дискуссия, начатая в последнее время М. М. Кромом (Кром М. М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018), о том, чем было Московское царство в XVI в., какова была степень интеграции различных областей царства, насколько сохранились (или не сохранились) в различных землях реликты самостоятельности Полагаю, таких реликтов практически не было.

В историографии, прежде всего в литературе по экономической истории, высказаны следующие характеристики этого периода: экономический подъем в 1590-е гг.¹, сопровождавшийся, впрочем, «первыми шагами в области закрепощения крестьян»², а также ужесточением холопского законодательства, сменяется жесточайшим кризисом (голодом³) 1601–1603 гг., имевшим, согласно историографии 1970–1980-х гг., многочисленные социальные последствия — рост закабалений⁴, свидетельствующий как о пауперизации, так и о патернализме как единственно возможном способе избежать ее последствий. Утвердилось мнение о том, что именно в голоде можно наблюдать признаки (и предпосылки) надвигающегося политического кризиса — Смуты.

Новгород Великий как большой региональный центр Московского царства имел особенности своего прохождения сквозь кризис 1570–1580-х гг.⁵, а также и свой путь в Смуту⁶. Однако и в предшествующий Смуте период здесь впервые фиксируется существенная социально-культурная специфика — город и его «земля» (которую нельзя считать просто уездом) становятся «пограничьем»⁷ — весьма специфическим пространством,

¹ Аграрная история Северо-Запада России в XVII в. Население, землевладение, землепользование. Л., 1989. С. 9.

² Аннилогов Г. Н. К вопросу о законе 1592–1593 гг., отменившем выход крестьянам, и урочных летах // История СССР. 1972. № 5. С. 161–171; Аракчев В. А. Закрепостительные мероприятия в Русском государстве в начале 1590-х гг. // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 81. С. 60–66.

³ Аграрная история Северо-Запада России в XVII в. ... С. 65. Высказаны однако и серьезные сомнения в том, что данный голод был действительно глобальным и охватывал все территории Московского царства (Дмитриева З. В. Хлебный «бюджет» Кирилло-Белозерского монастыря в начале XVII в. // Монастыри и архиерейские дворы в документах XVI–XVIII веков. СПб., 2016. С. 9–11).

⁴ Панях В. М. Холопство в XVI — начале XVII века. Л., 1973. С. 154–155.

⁵ Именно новгородский материал, как наиболее исследованный в рамках семинара А. Л. Шапиро (что вылилось в четырехтомную публикацию «Аграрной истории Северо-Запада России»), как правило используется для иллюстрации кризиса 1570–1580-х гг. (Ср. Яницкий Н. Ф. Экономический кризис в Новгородской области в XVI веке. Киев, 1915; Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980).

⁶ Селин А. А. Смута на Северо-Западе в начале XVII века : Очерки из жизни новгородского общества. СПб., 2017.

⁷ Подробнее: Селин А. А. Русско-шведская граница 1617–1700 гг. Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. СПб., 2016.

типологически сходным с другими «пограничьями» Европы раннего Нового времени¹. Таким образом, если Ч. Даннинг предложил рассматривать Смутное время в Московском царстве в ряду политических кризисов в Европе рубежа XVI–XVII вв.², то Новгород Великий этого периода целесообразно исследовать также в широком синхронном европейском контексте.

Методологической рамкой настоящего исследования и всего проекта в целом является изучение многообразия народов и регионов Московского царства в рассматриваемый период, а также механизмов реального укрепления связей между ними, которые выдержали испытания политизацией Смутного времени, когда внешние центробежные тенденции купировались не столько административным принуждением, сколько институциональной традицией, в том числе — традицией судебной практики, выработанной именно в данный предкризисный период³.

Как было отмечено выше, данная книга дает старт долговременному исследовательскому проекту *Novogradum inter discrimina*. Этот проект нацелен прежде всего на тематическое издание источников, нежели их исследование, но, разумеется, каждое издание концептуально и предполагает большой исследовательский очерк. Предварительный план всего проекта сегодня включает в себя следующие направления:

- изучение судебной системы и судебной практики в Новгороде Великом (этому посвящена настоящая книга);
- изучение дипломатической жизни на Северо-Западе Московского царства в конце XVI в. Здесь исследование базируется на недавно выявленном корпусе источников — материалах

¹ Krom M. M. Changing Allegiances in the Age of State Building. The border between the Great Duchy of Lithuania and the Great Principality of Moscow // *Imagined. Negotiated. Remembered. Constructing European Borders and Borderlands*. 2012. P. 15–30. (Mittel- und Ostmitteleuropastudien. Bd. 11); Katajala K. Drawing Borders or Dividing Lands? : The Peace Treaty of 1323 between Sweden and Novgorod in a European context // *Scandinavian Journal of History*. 2012. Vol. 37. №. 1. P. 23–48.

² Dunning Ch. The precondition of Modern Russia's First Civil War // *Russian History / Histoire Russe*. 1998. Vol. 25. № 1–2 (Festschrift for A. A. Zimin). P. 119–131.

³ Эта методологическая рамка разрабатывалась и разрабатывается в рамках долгосрочного проекта Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Трансформация режимов управления разнообразием» в 2012–2021 гг. в Центре исторических исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

первых Тявзинских переговоров осени 1592 — зимы 1593 г.¹ и дальнейшего дипломатического противостояния в регионе, завершившегося подписанием Тявзинского мира в 1595 г. и новым разграничением между Московским царством и Швецией, реализованным в 1595–1597 гг. Общий план этой работы изложен мной в нескольких статьях²;

- к этому же направлению примыкает еще одна задуманная монография серии. Она посвящена визиту в Московское царство несчастного жениха царевны Ксении Борисовны, принца Ханса Датского, осенью 1602 г. Большой комплекс документов, прежде всего относящийся к деятельности Посольского приказа, но также и Новгородской приказной избы и Тайного приказа («ямские дела») ярко иллюстрируют то, как Новгород Великий встречал и провожал принца от Ивангорода до Москвы. План этой книги изложен мной в статьях, одна из них — совместная с Ю. П. Закржевской³;

¹ Пользуюсь случаем искренне поблагодарить И. В. Лукоянова за помощь в выявлении данного источника, а также А. И. Пересветова-Мурата и Н. А. Малиновского за помощь в работе с документами шведских комиссаров — контрагентов московских послов.

² Селин А. А. 1) Комплекс документов о переговорах осени — зимы 1592/1593 г. в Тявзине // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X Международной конференции 9–13 сентября 2019 года, Москва, Россия. Приложение к журналу «Древняя Русь: вопросы медиевистики». М., 2019. С. 179–180; 2) Боярин Василий Казимир и топонимика Северо-Запада Новгородской земли конца XVI века // *Slavica Antiqua et Hodierna. En hyllningskrift till Per Ambrosiani*. Stockholm, 2019. С. 19–30; 3) Дипломатическая риторика первых тявзинских переговоров в сентябре 1592 — январе 1593 гг. // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. 2020. Т. 17. № 3. С. 71–81.

³ Селин А. А. 1) Приезд принца Ганса Датского в Московское государство и Новгородский служилый город в 1602 г. // *Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы*. М., 2014. Вып. 3. С. 278–349; 2) Комплекс материалов коллекции 183 («Новгородские акты») из Научного архива Санкт-Петербургского института истории как источник для изучения визита датского принца Ханса в Московское государство в 1602 г. // *Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории*. 2017. № 1. С. 162–179; Селин А. А., Закржевская Ю. П. Датское свадебное посольство 1602 г.: источники и историческая память // *Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648) : Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны*. М., 2018. С. 301–320.

- новгородская деревня 1590-х гг. В этой части проекта исследуется география сельского расселения на рубеже XVI–XVII вв., а также те изменения, которые происходят в поместном землевладении, монастырском строительстве и организации дворцовых волостей как факторах реколонизации сельского пространства. Отдельно рассматривается проблема управления сельскими территориями. Основным источником для данного исследования являются писцовые и дозорные книги новгородских пятин, а также текущая документация Поместного приказа (отдельные, обыскные, отписные и проч. книги). Этому вопросу также посвящена моя небольшая статья¹;
- организация и управление дорожной сетью Новгородской земли. В конце XVI в. происходит масштабная реформа дорожной сети на Северо-Западе Московского царства. Эта сеть, с одной стороны, упрощается по сравнению с той, что возникла в середине XVI в., с другой стороны — это упрощение соответствовало возможностям населения, содержавшего ее. Следует считать систему ямской гоньбы в этот период своеобразным компромиссом между властью и обществом. Основным источником для данного исследования являются сборники устроительных ямских книг², частично введенные в научный оборот И. Я. Гурляндом³, равно как и документы Тайного приказа (Государственное древлехранилище, разряд XXVII), начавшиеся публиковаться под его редакцией в 1908 г.⁴;
- новгородские пригороды в конце XVI — начале XVII в. Новгородские пригороды — Ивангород, Ям, Копорье, Корела, Орешек, Ладога (первые три в 1581–1590 гг., а Корела — до 1597 г.) находились под шведской властью) были важным элементом социального ландшафта Новгородской земли. Их

¹ Селин А. А. О соотношении разных видов поместной документации конца XVI–XVII вв.: на материалах Водской пятины Новгородской земли // Экономическая история. Ежегодник. 2012. № 2011/2012. С. 7–22.

² ОР РНБ ОСПК, Q IV 260–264 и 334.

³ Гурлянд И. Е. Новгородские ямские книги. Ярославль, 1900.

⁴ Дела Тайного приказа. Т. 2 (Русская историческая библиотека. Т. 22). СПб., 1908.

социальная структура существенно отличалась от той, которая фиксируется в сельской местности. Усилия властей по ее организации в значительной степени определили будущий политический облик этих городов в годы Смуты: именно населявшая новгородские пригороды служилая мелкота стала главной опорой самозванческого движения на Северо-Западе Новгородской земли¹. Источниками по изучению новгородских пригородов конца XVI — начала XVII в. являются также писцовые и дозорные книги и сохранившаяся в незначительном количестве разрядная документация.

В настоящей книге я выхожу за рамки обозначенного проекта — истории Новгорода Великого между кризисами и вступаю (точнее — возвращаюсь) в тему собственно Смуты, политического кризиса, последовавшего за предметом основного рассмотрения. Это обусловлено имеющимися в распоряжении источниками. Основной источник для исследования судебной практики Новгорода рубежа XVI–XVII вв. — переписная книга дел новгородского Судного приказа². Поиск возможного сравнительного материала привел меня к необходимости подробно рассмотреть также книги записи судной пошлины, ведшиеся в Новгороде Великом в 1611–1615 гг., а также хорошо сохранившееся судебное дело о краже лошадей из городского стада Новгорода в сентябре 1616 г. В это время в Новгороде уже не действовали местные органы управления: воеводский суд вершили высшие шведские офицеры Сванте Банер и Ханс Бойе. Для вынесения судебного решения по запутанному делу они привлекли видных новгородцев. Вопрос о том, как в Новгороде следует наказывать за совершенное преступление, был отдан на суд обычая.

Таким образом, в книге специально рассматриваются данные о практиках суда и правоприменения на рубеже XVI–XVII вв., об иерархиях судебных инстанций, отчасти — о судебных

¹ Тюменцев И. О. Смута в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 269–272.

² Названия судебных и иных учреждений Новгорода Великого XVI–XVII вв. в источниках того времени, разумеется, имели разное написание. Полагаю правильным здесь считать слово «новгородский» не первым словом (реконструируемого) названия учреждения, но прилагательным.

пошлинах, взимавшихся в Новгороде Великом в XVI–XVII вв., соответствие этих пошлин общероссийскому законодательству, местные особенности практики судебного обложения. Исследуется отражение обычного права при принятии судебных решений в Новгороде Великом в годы оккупации начала XVII в. Здесь возникла необходимость обращения не только к таким классикам исследования древнерусской судебной практики, как М. Ф. Владимирский-Буданов, но и к последним исследованиям московской судебной процедуры, прежде всего — к фундаментальной работе Н. Ш. Коллманн¹. Данное исследование затрагивает, впрочем, время после издания Соборного уложения, но оно важно методически. Н. Ш. Коллманн предприняла сплошной охват всех дел сравнительно небольшого числа уездов за обозримый промежуток времени, что позволило достаточно точно ответить на поставленные вопросы. Рассмотренные судебные кейсы оказалось возможным дискретно проанализировать. При этом специфика источников заставляет критично отнестись к такой дискретности.

Вопросы применения обычного права в городах Московского государства до создания Соборного уложения специально не изучались. Публикатор единственного введенного в научный оборот памятника Н. В. Калачов в 1864 г. лишь дал общую характеристику документу, не поставив его в историографический контекст изучения древнерусского права. Общие черты обычного права и обычай как источник и памятник права рассматривались в классических работах по истории русского права М. Ф. Владимирским-Будановым², И. Д. Беляевым³, В. И. Сергеевичем⁴ и многими другими. Как правило, правоприменение в этот период рассматривалось в рамках существовавшего

¹ *Kollmann N. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge University Press, 2012; Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016.*

² *Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995.*

³ *Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. 2-е изд. М., 1888.*

⁴ *Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 4-е изд. СПб., 1910.*

законодательства (Судебники 1497 и 1550 гг.) (работы Б. А. Романова¹, А. Г. Манькова², отчасти Л. В. Черепнина³ и С. Н. Кистерева⁴). В общем очерке о средневековых правовых памятниках Энн Клеймолы основной акцент делался также на анализе общерусского законодательства, а не правоприменения, а обычному праву уделено лишь несколько фраз⁵. Работы Н. Ш. Коллманн хотя и не посвящены специально региональному правоприменению, однако дают достаточно много для понимания сущности московской политической культуры, в частности — этической потребности социально активных групп Российского царства в возбуждении судебного дела, ввиду ответственности перед своей фамилией. В описании первой части (серии) коллекции Oskupationsarkivet från Novgorod Л. Нордквист и Э. Лёфstrand также дали лишь основные характеристики состава рукописей (что собственно и было их задачей)⁶. Публикуемые в приложениях к данной книге документы позволяют обратить внимание на массовые материалы судебных дел начала XVII в. Между тем, живое обычное право, охватывавшее значительные сферы повседневной жизни города, было источником для возникновения позднейших памятников общероссийского законодательства. В этом смысле комплексный анализ книг судебной пошлины позволил определить некоторые источники формирования устойчивого законодательства и показать функционирование этого права в кризисный и межкризисный периоды.

¹ Романов Б. А. Судебник 1550 г. / Комментарий // Судебники XV–XVI веков : Законодательные памятники Русского централизованного государства XV–XVII веков / Под ред. Б. Д. Грекова. М. ; Л., 1952. С. 181–340.

² [Маньков А. Г.] / Комментарий // Судебники XV–XVI веков : Законодательные памятники Русского централизованного государства XV–XVII веков / Под ред. Б. Д. Грекова. М. ; Л., 1952.

³ Черепнин Л. В. (ред.) / Комментарий // Судебники XV–XVI веков : Законодательные памятники Русского централизованного государства XV–XVII веков / Под ред. Б. Д. Грекова. М. ; Л., 1952.

⁴ Кистрев С. Н. Исследование Ю. Г. Алексеева о Судебнике 1497 г. // Очерки феодальной России. Вып. 6. 2002. С. 235–269.

⁵ Russian private law in the XIV–XVII centuries. An anthology of documents / Translated and edited with commentary by H. W. Dewey & A. M. Kleimola (Michigan Slavic Materials. № 9). 1973.

⁶ Löfstrand E., Nordquist L. Accounts of an Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Serie 1. Stockholm, 2005.

В первой главе содержится обзор источников по истории правоприменения в Новгороде Великом в рассматриваемый период. Здесь приводится источниковедческое описание переписной книги дел новгородской Судной избы 1584–1605 гг., ее состав и функция, а также контекст ее составления, московский и европейский. Дано источниковедческое описание книг записи судебной пошлыны 1612–1616 гг., их место в составе архива Новгородской приказной избы и уникальность (сохранность). Судная пошлына и другие судебные пошлыны рассматриваются в соотнесении с действовавшим законодательством и с общеполитическим контекстом.

Во второй главе исследуется номенклатура дел новгородской Судной избы конца XVI — начала XVII в. Рассматриваются судебные кейсы, данные о преступности, пределы полномочий различных инстанций новгородских судебных органов.

В третьей главе предпринимается попытка рассмотреть эволюцию судебных иерархий в Новгороде Великом и Новгородской земле в течение конца XVI — начала XVII в. Она рассматривается с точки зрения социальной, а также политической истории. Важными факторами этой эволюции (от сложного к простому) являются, с одной стороны, продолжающаяся интеграция Новгорода в судебную (и политическую) систему Московского царства, а также кризис Смутного времени, в целом упростивший структуру общества.

В приложениях к настоящему исследованию публикуются памятники судебной практики Новгорода Великого конца XVI — начала XVII в., а именно:

- 1) переписная книга дел новгородского Судного двора (1584–1605) из Научного архива СПбИИ РАН;
- 2) переписная книга дел новгородского Судного двора (1584–1605) из архива Императорской Археографической комиссии (подлинник утрачен, публикация по изданию: Акты юридического быта. Т. 2. СПб., 1884);
- 3) книги записи судной пошлыны, 1611/12 г. (Коллекция Ockupationsarkivet från Novgorod, Svenska Riksarkiv);

- 4) книги записи судной пошлины, 1612/13 г. (Коллекция Ockupationsarkivet från Novgorod, Svenska Riksarkiv);
- 5) книги записи судной пошлины, 1613/14 г. (Коллекция Ockupationsarkivet från Novgorod, Svenska Riksarkiv);
- 6) книги записи судной пошлины, 1614/15 г. (Коллекция Ockupationsarkivet från Novgorod, Svenska Riksarkiv);
- 7) дело о краже лошади из новгородского городского стада, сентябрь 1616 г. (Коллекция Ockupationsarkivet från Novgorod, Svenska Riksarkiv).

Старт представленному в данной книге исследованию был положен проектом НИУ ВШЭ № 18–IP–03 (руководитель проекта канд. юр. наук И. В. Яблокова); по результатам гранта были сделаны доклады в Университете Сёдерторна «Scope of Customary Law in Novgorod 1584–1616» (Higher seminar, Centre for Baltic and East European Studies (CBEES), Södertörn University 2018) и на конференции в НИУ ВШЭ «Novgorod the Great Court Instances in 1584–1616» (4th Annual Conference of Central and Eastern European Network of Legal Scholars (CEENELS) «Legal Innovativeness in Central and Eastern Europe», 2019), а также опубликованы две статьи¹. И. В. Яблокова является соавтором второй и отчасти первой глав настоящей книги.

Город Новгород Великий и судебное производство и правоприменение в конце XVI — начале XVII в.

История отправления правосудия в местных центрах Московского царства ранее окончания Смутного времени и, более того, ранее 1649 г. обеспечена источниками достаточно слабо. В литературе утвердилось мнение о том, что такое правосудие осуществлялось на основе кодифицированного права (памятниками которого являются судебники XV–XVI вв.), а также, в значительной степени — обычного права. Высказано также

¹ Selin A. A., Iablokova I. V. Courts and Court Hierarchy in Novgorod the Great in the Late 16 — Early 17th Centuries // Canadian-American Slavic Studies. 2020. Vol. 54. № 4. P. 432–445; Селин А. А., Яблокова И. В. Местное судопроизводство и правоприменение в Новгороде Великом конца XVI — начала XVII в. // Российская история. 2020. № 4. С. 83–93

мнение, что в Московском царстве, как и в Европе, каноническое общее право («*ius commune*») образовывало общее основание, на фундаменте которого своды законов и обычное право («*ius proprium*») формировали местную судебно-правовую практику¹. Такие высказывания требуют серьезного фактического обоснования; тем важнее каждый памятник, сообщающий данные о правоприменении, в особенности — в нестоличных областях Московского царства.

Я в целом руководствуюсь той оптикой, которая была предложена в монографии Н. Ш. Коллманн о вершении суда в Московском государстве. Так, крайне убедительным кажется тезис о том, что компетенция различных судебных учреждений Московского царства не всегда была четко определена; часто суд вершился по факту представления тяжущихся в тот или иной орган судебной власти. Если работа Н. Ш. Коллманн основана прежде всего на материалах второй половины XVII в., то мне интересно было проследить, насколько эти тезисы справедливы для более раннего периода, того, когда писаное право охватывало значительно меньший объем повседневной правовой жизни. При данном подходе, опираясь на новгородские материалы конца XVI — начала XVII в., впервые, на основе компаративного анализа привлекаемых источников и путем сплошного исследования всего объема описываемых в них судебных кейсов, удастся проанализировать функционирование разных уровней судебных учреждений в их взаимосвязи².

Я рассматриваю Новгород Великий, с одной стороны, как город Московского царства, вполне интегрировавшийся в московский политический язык, в московскую жизнь в течение 1470–1580-х гг., но, с другой стороны, имеющий свою специфику, которая заключается не в «сохранении новгородской вольности» (признаков которой в этот период в источниках явно не прослеживается). Поиск своеобразия Новгорода Великого в его «средневековом прошлом» для понимания специфики его

¹ *Bellomo M.* The Common Legal Past of Europe, 1000–1800. Washington, DC, 1995.

² *Коллманн Н. Ш.* Преступление и наказание в России... С. 609.

управления, на мой взгляд малопродуктивен, но в приграничном положении (банальность иноземца, привычность к европейской бытовой культуре, знакомство с европейской практикой, в том числе — и с правоприменительной, во всяком случае — в середине XVII в.).

Представляется, что система управления и, в частности — судопроизводства, в Новгороде Великом конца XVI — начала XVII в. была аналогичной другим центрам Московского царства. Специфика Новгорода заключается также в особенностях администрирования Новгородской земли, сложившегося в экспериментах, предпринимавшихся в течение первого столетия московской власти. Среди таких экспериментов перечислю лишь важнейшие:

- выделение территории сельских пятин из земель покоренного Новгорода Великого в конце XV в. с позднейшим присоединением к ним некоторых отнятых у Великого княжества Литовского владений¹;
- создание уездов вокруг новгородских пригородов в конце XV в. и дальнейшая, в течение столетия, трансформация уездной системы в Новгородской земле²;
- включение отдельных территорий в систему наместничеств и кормлений в начале XVI в. и их исчезновение во второй половине столетия;
- частичная перекройка приграничных территорий (с Каргопольским уездом, со Ржевой Володимеровой и проч.) с передачей сельских районов уездам других городов в годы опричнины³;

¹ Селин А. А. Историческая география Новгородской земли. СПб., 2003. С. 40; Фролов А. А. Волости Буйцы и Лопастиды : опыт соотнесения топонимов обыскной книги 1562 г. со сведениями письма 1495–1496 гг. и проблема «домосковского» земельного кадастра // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2013. Вып. 16. С. 153–201.

² Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских. СПб., 1853. С. 1, 98–99; Баранов К. В. Новые сведения о первых писцовых описаниях Новгородской земли // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. С. 85–97.

³ Фролов А. А. 1) Статус земель южного пограничья Новгородской земли в XVI — начале XVIII века // Очерки истории феодальной России. М.; СПб., 2005. Вып. 9. С. 106–121; 2) Дачные и отдельные книги Деревской пятины

- выделение тогда же особых территорий и оформление комплекса дворцовых сел¹;
- введение должности выборных (позднее — губных) старост в новгородских пятинах в 1570-х гг. и эксперименты в нарезке подведомственных им округов;
- расширение полномочий/обязанностей губных старост в последней трети XVI в.

Это, на мой взгляд, не исчерпывающий, но основной список новаций, повлиявших на тот способ организации судопроизводства, который существовал в Новгородской земле на рубеже XVI–XVII вв. В этот период в Новгороде Великом существовало несколько судебных инстанций и достаточно развитое судебное администрирование (об этом подробнее в главе 3). В то же время компетенция судов разных уровней не была четко определенной; это соответствует наблюдениям Н. Ш. Коллманн о правоприменении в Московской Руси².

и Холмского уезда 1581/82–1585/86 гг. и проблема «новгородских приписей» ко Ржеве Володимеровой // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2015. Выпуск 6 (39) [Электронный ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840001184-1-2>.

¹ Селин А. А. Историческая география... С. 16.

² Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России...

